

Солнце играло в светло-зелёной листве густых тополиных веток. Валерка бодро шёл по летней утренней улице поселка, и солнце бежало рядом с ним, мелькая в просветах листвы. Он невольно улыбался, настроение было что надо. Успел искупаться на ближайшем водоёме, в несколько больших глотков выпил целый литр парного молока. Мать специально поставила после утренней дойки.

Он впервые спешил на станцию, где собирался рабочий люд для отправки по узкоколейной железной дороге на торфяные поля. Валерка родился и вот уже семнадцать лет жил в этом небольшом рабочем посёлке, вся жизнь которого связана с добычей полезного ископаемого – торфа. Начиная с мая и кончая сентябрём, когда солнце сушило торф, шёл сезон – самое горячее время. Все взрослое население, его отец тоже, работало на полях. Если погода позволяла, добыча торфа велась круглосуточно. Валерка с малых лет привык к постоянному далёкому урчанию тракторов и к облакам коричневой пыли, вздымающимся где-то у горизонта над осушенными и разработанными болотами.

Позади школа, экзамены, выпускной бал. В это время большинство его одноклассников, особенно девчонки, бурно обсуждали предстоящие поступления в техникумы и институты, уже заранее боясь приёмных экзаменов. Но Валерка, трезво оценив свои возможности, решил не дёргаться. Всё равно ему с тройками и редкими четвёрками в аттестате ничего не светило. По этой причине выглядел он среди сверстников самым спокойным. Про себя размышлял: «До армии поработаю, а там видно будет». Наверное, с его стороны это было легкомысленно, но Валерке казалось, что ещё вся жизнь впереди, и она, конечно же, сулила ему множество всяческих благ в какой-то туманной, не близкой перспективе.

У маленькой кирпичной станции толпился народ. Все ждали самоходного вагона. Валерка стеснялся, робел перед людьми, хотя, конечно же, он многих знал хорошо: всё-таки в одном посёлке живут. Не совсем

ещё свыкся с новой в этой жизни ролью рабочего человека. До этого он был просто мальчишкой, школьником, теперь же ему надо наравне со всеми рано вставать и приходить сюда, на этот плотно утопанный десятками ног пятачок около станции.

Вагон зелёного цвета подошёл, и рабочие с шутками, беззлобными перебранками, не спеша, затолкались в его прокуренное нутро. В середине вагона оставалось небольшое свободное пространство. Здесь обосновались самые заядлые картёжники. Езды-то предстояло десять-пятнадцать минут, но они умудрялись несколько раз перекинуться в три карты на мелочь. Случалось, что за это короткое время эти деньги перекочёвывала из одних карманов в другие. Не оставалось даже на то, чтобы заплатить за обед. Но проигравшие не унывали, пообедают на бесплатные талоны, которые ежедневно, в разгар сезона, выдавались трактористам.

Валерке нравилось чувствовать себя причастным к большому, важному делу. Он знал, что сухой торф отправляется на электростанцию, дающую людям тепло и свет. Часть торфа, слегка просушенного, шла на удобрение малопродуктивных земель ближайших совхозов, в частные хозяйства. Читал, что в Японии торфяную массу пропитывают смолами, прессуют и изготавливают мебель. Но ведь это Япония...

Валерка пробился через тамбур к ближайшему сиденью и стал с интересом наблюдать за всем, что происходило. А посмотреть было на что. Занимая чуть ли не два сиденья громоздко высилась тучная фигура начальника поля Василия Степановича Киселёва. Первое впечатление от встречи с новым руководителем у Валерки осталось не самое хорошее. Впрочем, как он убедился в дальнейшем, Василий Степанович со всеми был одинаков. Наверное, природа его раздражительности и порой несдержанности была связана с болезнями и крайне излишней тучностью.

Все к тому же знали, что в посёлке только у двоих из бывших фронтовиков имеются солдатские ордена Славы: у него и у плотника, старика Никанорова, человека с заметным шрамом от челюстно-лицевого ранения. Нечасто рядовых такими орденами награждали.

Все в поселке знали, как в позапрошлом засушливом году, когда пожаром охватило торфяные поля и окрестные леса, Василий Степанович из огня вывез на тракторах людей, всю смену, спас технику, распорядившись притопить в водоеме. Их уж в поселке считали погибшими, а они вырвались из огня, никто не пострадал. Помогли опыт и хладнокровие Василия Степановича, он вообще говорил мало, отрывисто, не любил повторять и рассусоливать. И его слушались, ценили. Это потом он скажет нахлынувшим корреспондентам: «Было положение страшнее, чем на войне, но все-таки не безвыходное».

Тогда в конце августа случилась настоящая природная катастрофа. Пожар за несколько дней смахнул не только лес на многие километры вокруг, но и целый рабочий посёлок по соседству, пострадали села. Родной Валеркин посёлок удалось всем миром отстоять, правда, при этом всё-таки сгорело несколько частных домов и сараев. Посёлок выстоял, люди смогли собраться воедино, да и техники было достаточно. Погорельцам выстроили дом, и они, залечивая раны, с трудом, но призывали жить в квартирах.

В гуще рабочих привлекала к себе всеобщее внимание Дашка Тихомирова, невысокая, плотно сбитая сорокалетняя женщина. От неё года два-три назад ушёл муж, с другой женщиной уехал куда-то в дальние

края, и теперь она жила вдвоем с хулиганистым сыном-подростком. Дашка отличалась бойким, задорным характером и никому не давала спуска. По этой причине с ней никто не рисковал связываться. Она любого заговорит и кому угодно даст отпор. Эта женщина, даже если её никто не трогал, всё равно находила объект для своих острот.

Вот и теперь она прицепилась к мастеру Андрею Ивановичу Кириллову. Это был спокойный немолодой мужчина с добрыми глазами, увеличенными выпуклыми стёклами старинных очков. Рядом с ним на лавочке примостилась опрятно одетая женщина, его жена Вера. Поиному, несмотря на возраст, её никто не называл, даже такие вчерашние мальчишки, как тот же Валерка. Она и в самом деле смахивала на слегка поседевшую, с мелкими морщинками вокруг губ и глаз, девочку-подростка с бледно-голубыми глазами, наивно смотрящими на белый свет.

Эта пара выделялась преувеличенной, как казалось многим, заботой друг о друге, что почему-то являлось поводом для насмешек. Ну а уж Дашка тем более не могла упустить такую возможность в очередной раз почесать свой неугомонный язык при виде этих двоих.

– Ах, Андрей Иванович! До чего же ты мужик внимательный, заботливый. Повезло Верке, ей-богу, повезло! И за что ей такое счастье? Вот мне бы такого муженька – никаких бы забот не знала! Поглядишь на вас со стороны: ровно два голубка, воркуют друг подле друга, пёрышки прихорашивают. Она ему рубашку поправит, воротничок разгладит, а он ей – кофточку. А сам, поди, глазами из-под очков по сторонам стреляет – кого бы помоложе да поглаже пощупать. Ведь у Верки-то что спереди, что сзади ничего не выделяется – доска доской, одним словом. Брось ты её, Андрей Иванович! Переходи ко мне. А уж я тебя уважу! Я ведь не слепая, вижу, как ты на меня исподтишка глаза пялишь. Вчера вот, например, в душевой за мной подглядывал через щёлку в стене. Что? Скажешь, не было этого? Было! Приходи сегодня ко мне вечером. Я тебе такой стриптиз изобразю, что ты сразу позабудешь про свою худосочную жёнущку.

И, наверное, для того чтобы подтвердить превосходство своей фигуры, Даша неожиданно поднялась с места и взгромоздилась на колени к смущённому мастеру.

Рабочие в вагоне сначала лишь слегка посмеивались над ее проделками, но тут не выдержали, разом дружно расхохотались.

– Нет, Андрей Иванович. Не приходи ко мне сегодня. Неудобный ты для меня человек. Вот сижу я у тебя на коленях и сползаю, как на салазках. Что-то слишком ровно всё – ни сучка, ни задоринки. Зацепиться не за что. Я, пожалуй, найду кого-нибудь помоложе, поершистее.

Рабочие смеялись, Андрей Иванович тоже добродушно посмеивался, покачивая головой и молча разводя руками, мол, что с этой Дашкой поделаешь. Она кого угодно в конфуз введёт.

Но чаще всего Валеркин взгляд останавливался на лице Линды, поварихи, которая недавно появилась в вагончике полевой кухни. Она приехала в эти края с бригадой украинских лесорубов. Один из них, высокий черноволосый молодой мужчина, был ей то ли мужем, то ли сожителем.

Сама же Линда, судя по характерному тягучему акценту, родом из Прибалтики. На вид ей лет двадцать – двадцать пять.

Самоходный вагон, покачиваясь из стороны в сторону и постукивая колёсами на стыках рельс, подошёл к полевому стану. Рабочие не торопясь направились к большому деревянному строению. В нём

располагались комната для слесарей-ремонтников, конторка, душевая. Над всем этим в целях пожарной безопасности была надстроена башня с конусообразной крышей, своего рода наблюдательный пункт.

Валерка вслед за начальником поля зашёл в конторку и молча стал ожидать дальнейших распоряжений. Киселёв грузно уселся на стул, какое-то время шуршал бумажками и, наконец подняв глаза с красноватыми прожилками, по обыкновению, раздражённым тоном произнёс:

– Пойдёшь на стажировку к Дашке Тихомировой. Покатаешься с ней недельку. По ходу дела освоишь свои обязанности, невелика премудрость. Вот тебе книжка с правилами по технике безопасности. Потом мы тебя с главным механиком проэкзаменуем. Когда всё усвоишь, будешь работать самостоятельно. Всё. Теперь иди на своё рабочее место.

Дашка Тихомирова крутилась возле своего гусеничного трактора ДТ-75Б. Валерка подошёл к ней:

– Меня направили стажироваться...

Дашка презрительно фыркнула:

– Только этого ещё мне не хватало – с молокососом возиться. Ладно. Бери ведро и иди на заправку за бензином.

Сняла с переднего тракторного фонаря измятое железное ведро и протянула ему. Валерка без лишних слов взял ведро и направился к заправке. Это была огороженная горбылём территория, на которой располагались прикопанная в землю цистерна для солярки и небольшое кирпичное сооружение. Дверь была распахнута. Валерка зашёл. Среди бочек с дизельным маслом и другими горючими материалами он увидел худенькую женщину с бледным, невыразительным лицом.

– Вот, за бензином пришёл. Дашка Тихомирова послала. Я у неё стажируюсь.

– Вы его пьёте, что ли, этот бензин? Не успеваю наливать. Она же вчера приходила! Наверное, своему сыночку, обормоту, в мотоцикл отливает.

Немного помолчав, заправщица всё же смягчилась:

– Ивана Кораблёва сынок? Хороший мужик, работающий. Давай ведро, налью пару литров, не больше.

Бензин залили в небольшой бачок, и Дашка с силой рванула шнур на себя. Пуская тут же завёлся, и его громкое однотонное урчание разлетелось на всю округу. Задышал двигатель. Дизель заработал ровно и при этом внушительно, как будто бы чувствовал свою немалую мощь. Дашка посмотрела на Валерку с нескрываемым превосходством.

– Запомнил, как надо заводить трактор? Повторять не стану. Некогда мне с тобой возиться. Меня работа ждёт.

Валерка промолчал, с раздражением подумав про себя: «Нашла чем хвастаться. Думает, что я в этом деле ни в зуб ногой».

Надо сказать, что Валерке приходилось иметь дело с техникой. Он помогал своему отцу заготавливать сено для коровы, дрова для двух печек в доме, и всё это вывозили на гусеничном тракторе. Отец сам управлял трактором, да как управлял – для его трактора не было непроезжих дорог, непроходимых лесных речек. Еще бы, ведь в войну он командовал танковым расчетом! Иногда отец доверял посидеть за рычагами подрастающему сыну.

Дашка забралась в кабину работающего трактора. Валерка уселся рядом с ней на мягкое, но грязноватое от пыли дерматиновое сиденье. Мелкая торфяная пыль коричневым слоем покрывала всё вокруг: и же-

лезный пол под ногами, и стены, и приборную панель, и смотровые стёкла. Дашка немного протёрла стекло перед собой:

– На мойку сначала заедем, а потом уж ворошилку прицепим.

Валерка имел представление, как устроено торфяное поле. Прошлым летом он и его приятель-однокурсник устроились на временную работу. Они помогали местному геодезисту, неразговорчивой и малосимпатичной женщине по имени Наталья. Таскали за ней по лесам и болотам теодолит со штативом и полосатую линейку-вешку. Ох и набегались они тогда по жаре с комарами и слепнями! Мальчишки обливались солёным потом и без конца пили тепловатую воду, а Наталье хоть бы хны! Идёт себе и идёт, только ноги мелькают в синих рабочих штанах и кирзовых сапогах. Недаром к ней издавна прицепилось прозвище «Лосиха».

Сначала разведка залежей торфа. Потом болото осушается. Роют экскаваторами множество канав, больших и малых. Из любого болота обязательно где-то вытекает лесная речушка. Она углубляется, и в неё потом постоянно уходит лишняя вода. Вся система должна работать чётко и бесперебойно, чтобы не происходило повторного заболачивания.

Специальными мощными агрегатами перемалывают чахлую болотную растительность и выбирают из болотистой почвы крупный пенёк. Раньше, рассказывают старожилы, было много ручного труда, вербовались на корчевку пня десятки деревенских девушек, за сезон они могли неплохо заработать. Сейчас работает техника. Верхний пласт торфа сначала фрезеруют, то есть измельчают фрезбарабанами, потом торф сохнет под жарким солнцем. Его несколько раз шевелят специальными ворошилками, чтобы лучше просыхал. Следующим этапом местное полезное ископаемое собирают в ровные валки валкователем. И вот тут в ход идут машины для уборки торфа. Это такие объёмные прицепы к тракторам, которые подбирают весь высушенный торф из валков в своё железное нутро. Уборочные машины, наполнившись до отказа, вываливают свою добычу около «караванов» – огромных продолговатых торфяных куч. Там свою работу выполняет агрегат с длинной стрелой, по которой постоянно движется многоступенчатая лента. Она захватывает торф и поднимает его наверх. Караваны растут и в ширину, и в высоту и достигают к концу сезона внушительных размеров. Это непрерывный процесс в течение весны, лета и осени, пока позволяет погода.

Умывшись, трактор стал как новенький. Вода стекала с жёлтой кабины на широкие, для болот, гусеничные траки, отсечивающие металлическим блеском от постоянного трения о грунт.

Дашка задним ходом аккуратно подогнала трактор к ворошилке. Валерка выпрыгнул из кабины, чтобы прицепить. Для этого требовалось направить тракторную «серьгу» точно на кольцо прицепа и соединить их шкворнем – толстым металлическим штырём. Подобную сцепку пареньку приходилось не раз проделывать и раньше, так что с этим он справился легко. Дашка одобрительно кивнула головой в заднем окошке, и Валерка ловко прыгнул обратно в кабину. Поехали!

Потом они до обеда мотались по секторам и картам со своим широким, неповоротливым прицепом.

Сектор – это часть разработанной площади. Она, в свою очередь, делилась на карты – широкие, длинные полосы, разделённые канавками. Вот по этим-то картам и ползали взад-вперёд тракторы, фрезеруя, вороша, а затем и собирая готовый торф. В общем, работа не особо сложная, но утомительная, пыльная, да еще эта жара, липкий, едкий пот стекает ручейками по всему телу, заливая глаза...

К полудню все рабочие собирались около железного вагончика-стойки, откуда доносились дразнящие запахи кухни.

Молодёжь, раздевшись до пояса и фыркающая от удовольствия, плескалась под прохладной струёй ручного водяного насоса, кто-то один качал воду, а другой – умывался.

Валерка с разбега бултыхнулся в тёмную, нагретую жарким солнцем воду. Это было настоящим блаженством! Он поплавал в водоеме туда-сюда, потом у берега принялся руками энергично, со всех сторон, смыть с себя торфяную грязь и солёный пот.

У окошка раздачи он наблюдал за молодой поварихой с непривычным для этих мест именем Линда. Та, покрасневшись от кухонного жара, выглядела так привлекательно, что многие молодые мужчины откровенно заигрывали с ней.

Особенно усердствовал в этом слесарь-сварщик Анатолий Кирпичёв, мужчина лет тридцати. Валерке он был хорошо знаком, как и большинство жителей родного посёлка. Он казался ему малосимпатичным из-за грубоватого поведения. Анатолий был среднего роста, поджарый, смуглый, свитый из сухожилий и мышц, без единой капли жира, словно его долго и основательно высушивали на солнце. Наверное, он мог бы вызывать к себе интерес, если бы не его глаза – острые, злые, отталкивающие. Во всём положительном он всегда находил что-то плохое. Понятия добра и зла как будто слились в его сознании, и зло явно преобладало.

Через неделю Валерка, сдав экзамены по технике безопасности, встал, как говорится, на самостоятельную стезю. Ему дали гусеничный трактор, внешне такой же, как у Дашки, но требующий небольшого ремонта. Для начала пришлось выкинуть один трак из гусеницы, которая сильно провисла и уже не подтягивалась.

По этому поводу немолодой уже, лет пятидесяти, слесарь дядя Петя Лагутин то ли в шутку, то ли всерьёз поинтересовался у новоявленного тракториста:

– Ты с велосипедом или мотоциклом дело имел? Когда цепь растягивалась, ты что делал? Правильно. Звено выкидывал. Тут, парень, такая же петрушка, только ключ пошире да молоток потяжелее.

Ключ для натяжки гусеницы оказался большим и увесистым, а вместо молотка – кувалда, которой пришлось выбивать палец, соединяющий между собой тяжёлые плоские траки. Слесарь Лагутин помог Валерке отрегулировать сцепление и тормоза. Заменяли нерабочую свечу зажигания в пускате, добавили дизельное масло в картер, прочистили воздушный фильтр, залили воду в радиатор и, наконец, завели двигатель.

Валерка залез в кабину и испытал свой трактор на ходу, делая крутые развороты почти на месте то влево, то вправо. Рычаги и педали исправно работали, а гусеницы не слетали со своих мест.

– Ну что ж, работать можно, – подвёл итог дядя Петя. – Ты, главное, парень, не тушуйся. Следи за маслом, вовремя заправляйся соляркой, не ленись продувать воздухоочиститель, и всё будет как надо.

Он постепенно втянулся в новый для себя ритм жизни. С утра он наладил ездить на торфяное поле на отцовском мотоцикле, стареньком, но надёжном Иж-49.

Валерке ещё не исполнилось восемнадцати, и он заканчивал работу на час раньше. При этом отправлялся не домой, а на сенокос. Траву Валерка и его отец косили на старых, давно заброшенных торфоразработках и по обочинам канав, густо заросших метликой, иван-чаем и

сочной ярко-зелёной осокой. Отец работал на другом, отдалённом от посёлка, торфяном поле и приезжал на сенокос позднее, уже под вечер, и Валерка один часок-другой косил, сушил и собирал сено в небольшие аккуратные копны.

После прохладного душа в конце рабочей смены, когда разгорячённое тело освобождается от пота и пыли, накопленная за день усталость куда-то улетучивается. Дышится легко и свободно, и эта домашняя обязанность не в тягость, а скорее наоборот – в удовольствие. С ритмичными махами косой туда-сюда разминаются все мышцы, и хочется идти и идти, не останавливаясь, вперёд, срезая раз за разом зелёную с золотистыми метёлками траву.

За Валеркой с некоторых пор стал бегать его молодой, полугодовой пёс по кличке Пират. Как ни отпугивали его, он всё равно увязывался за мотоциклом и, глотая пыль, мчался сзади до самого полевого стана. Там он тоже пытался было бегать за трактором, но очень скоро понял, что занятие это неблагоприятное и, более того, опасное для жизни. В конце концов пёс нашёл самое благоразумное решение, стал дожидаться своего хозяина в благодатной тени кухонного вагончика, из которого всегда так заманчиво пахло чем-то съестным.

Повариха Линда наверняка подкармливала пса отходами с кухни. Это Валерке не очень нравилось. Появилось что-то вроде ревности, потому что Пират частенько крутился возле неё, умиленно заглядывая в глаза и помахивая лохматым хвостом.

Как-то Валерка остался в послеобеденное время возле слесарной мастерской для ремонта.

Дядя Петя выправлял искорёженный прицеп и, по обыкновению, слегка брюзжал себе под нос:

– Не трактористы, а лётчики какие-то. Врубят седьмую скорость и носятся по всему полю, как сумасшедшие. Нет бы притормозить на повороте. Какая тут техника выдержит? Эх, молодо-зелено! Никакого соображения. Один ветер в голове...

Сварщик, протянув провода электросварки, заваривал разрывы и трещины в повреждённом железе. Время от времени он приподымал защитную маску над головой и постукивал молоточком, сбивая шлак с готового шва. Валерка крутился рядом, помогая то слесарю, то сварщику.

Но вот ремонт завершен. Все трое уселись кто куда, так сказать, «перекурить». Но, как оказалось, никто из них табаком не баловался, и сидели они просто так, отдыхая и переговариваясь на любые темы, какие в голову придут.

В это время к Валерке подбежал его молодой пёс. Он, как будто бы чувствуя свою вину, уткнулся ему в колени сырым чёрным носом и, легонько поскуливая, заюлил всем телом.

– Ну, что, предатель! Променял своего хозяина на кухонные объедки? А, Пират?

Тут Валерка заметил, как через дорогу, разделяющую столовую и слесарную мастерскую, идёт молодая повариха. Она была в лёгком летнем платье, открывающем чуть выше колен крепкие загорелые ноги. Рабочая смена для нее закончилась. Они со своей помощницей, выскокой женщиной средних лет, перемыли к этому времени всю посуду, прибрались в полевой кухне. Помощница с ведром и каким-то узлом в руках направилась в сторону гаража и уселась там, на скамеечке, в ожидании прихода транспорта.

Линда подошла к нам. Несмотря на прибалтийский акцент, выглядела она далеко не бледной уроженкой Севера. Скорее её можно было принять за жительницу знойного юга откуда-нибудь из Сочи или Анапы. Смуглая, с тёмными, выразительными глазами. Тёмно-русые волосы с золотистым отблеском потоком падали на её загорелые плечи. Да она настоящая красавица, эта самая повариха!

Анатолий Кирпичёв весь напрягся при виде молодой женщины. Валерка давно уже подозревал, что она ему не безразлична. А после одного случая он убедился, что этот неугомонный сварщик просто без ума от неё. Кирпичёв был женат, у него был ребёнок, хорошенькая пятилетняя девчушка с кудрявыми, как у куклы, светлыми волосами. Валерка не однажды встречал странную на первый взгляд пару супругов Кирпичевых на улицах посёлка и в клубе, где почти ежедневно крутили кино. Почему – странная? Да уж очень разные они были и внешне, и по характеру, хотя, как говорят, противоположности притягиваются.

Супруга Анатолия отличалась излишней полнотой. Раньше, до замужества и до рождения дочери, она была обыкновенной, привлекательной и стройной девушкой, разве что несколько высоковатой. Характером выдалась в своего отца, крупного и покладистого мужчину, который старался избегать любых конфликтов с окружающими. После родов, вероятно, в её организме произошёл какой-то гормональный сбой, и она быстро набрала вес. Надо сказать, Наталья (так звали жену Кирпичёва) просто обожала своего ненаглядного Толика. А этот Толик, находясь под градусами, постоянно ввязывался в ссоры, а порой и в драки с такими же поддатými мужиками, Наталья как будто бы ослепла от любви и ничего не замечала или – не хотела замечать? Кто знает, что происходило в её душе.

Однажды, совершенно случайно, проходя мимо открытых дверей вагончика-кухни, завешенных марлей от мух и комаров, Валерка услышал странный диалог между поварихой и сварщиком Анатолием:

– Уедем куда-нибудь подальше отсюда, завербуемся на Север. В золото тебя наряжу.... Работать буду как проклятый, сварщик я перво-классный. Бросай ты своего хохла. Кто ты ему? Никто! А мы с тобой поженемся и жить будем как люди.

– Убери руки, слышишь! Да ты мизинца одного его не стоишь! Вот скажу ему: с какими речами ко мне подъезжаешь, он тебе все ноги переломает, – испуганно и вместе с тем сердито отвечала ему повариха.

– Ну, это мы ещё посмотрим – кто кому, – хвастливо продолжал Анатолий. – У меня сил на троих таких, как твой, хватит.

Послышался звук громкой пощёчины. Зазвенели упавшие ложки и тарелки. Валерка испугался, что его застукают, и поспешил отойти от вагончика. Анатолий почти тут же вылетел из-за марлевой занавески и с красным, как мясо варёного рака, лицом торопливо прошёл мимо Валерки, вполголоса зло, не выбирая слов, выражаясь в адрес поварихи.

Линда остановилась напротив Валерки. Пират оторвался от хозяина и подбежал к ней, повилывая хвостом, но потом, как будто бы одумавшись, снова вернулся к его коленям. Повариха, улыбаясь, обратилась к молодому человеку с просьбой, неожиданной и странной, на первый взгляд, для женщины:

– Валерий, разрешите мне прокатиться на вашем мотоцикле? Вы не бойтесь, я умею водить. Меня отец ещё в детстве научил. Правда, я заводить не решаюсь сама, слишком туго, опасуюсь обратной отдачи.

Валерка не ожидал ничего подобного и потому несколько оторопел. Зато Кирпичёв тут же принялся зубоскалить:

– Давай, Валерка, свой драндулет кому попало, потом будешь его по запчастям по дороге собирать. Баба – она и есть баба. До первого столба, может, и доедет.

Валерка неожиданно для себя самого согласился:

– Ладно! Сейчас мотоцикл подгоню из гаража.

Слесарь Лагутин удивлённо посмотрел на него, но ничего не сказал, лишь покачал головой.

Он вывел свой Иж, завёл двигатель и, усевшись на жёсткое сиденье, подкатил к Линде. Она уверенно забралась на сиденье, пока Валерка придерживал мотоцикл за газовую ручку, не давая ему заглохнуть, крепко вцепилась в руль, со знанием дела выжала до отказа рычаг сцепления и включила ногой первую передачу. Женщина проехала немного вперёд и тут же врубила вторую скорость. «Ну, сейчас навернётся», – со страхом и запоздавшим раскаянием подумал Валерка. Однако ничего подобного не случилось. Повариха проехала метров двести по широкой, наезженной тракторами дороге, развернулась и на вполне приличной скорости примчалась обратно. При этом её лёгкое летнее платье завернулось на ходу и обнажило полные женские бёдра.

Валерка заметил, как при виде этой волнующей мужской взор картины у Анатолия потемнели глаза и зашевелились ноздри, словно у кровожадного зверя, почуявшего добычу. Да что там говорить! У Валерки у самого заметно усилилось сердцебиение, как будто он только что пробежал стометровку.

– Ну, как? Получается у меня? – подъехав и заглушив мотоцикл, задорно с раскрасневшимся лицом и горящими от пережитого маленького приключения глазами прерывисто заговорила Линда

– Молодец, девка! Утёрла мужикам нос, – одобрил дядя Петя и, собрав инструмент, медленно побрёл в гараж, где была тень, и гулял прохладный сквознячок. Кирпичёв молча последовал за ним.

Линда поставила мотоцикл на подножку, боком уселась на сиденье и стала теребить по лохматой шее вновь подбежавшего к ней Пирата. Молчание затянулось. Валерка чувствовал неловкость, но не знал, о чём разговаривать с этой хотя и молодой, но старше его на несколько лет, женщиной. Первой заговорила она:

– У моего отца тоже был мотоцикл. Мы жили тогда всей семьёй в лесном хуторе. Отец возил меня и мою младшую сестру в школу в большое село, за пять километров, на своём мотоцикле. Тогда-то я и уговорила его научить меня управлять мотоциклом. Хорошее время тогда было!

– А как ты здесь-то оказалась? – полюбопытствовал Валерка, но тут же спохватился, подумав, что не его это дело. Повариха и не собиралась выворачивать перед ним душу и только лишь неопределённо махнула рукой: – Так уж получилось...

Видно, вспомнив что-то не очень приятное из своей биографии, она заметно погрустнела, слезла с мотоцикла и, поправив платье, зашагала к своей помощнице, одиноко сидевшей вдали на скамейке.

По вечерам Валерка, как и многие его односельчане, посещал поселковый клуб, чтобы провести время за игрой в шашки или домино и посмотреть очередной художественный фильм. Вот и сегодня, судя по афише, собирались крутить интересное кино. Хорошенько промыв

волосы, Валерка оделся во всё чистое, относительно новое и, вполне довольный своим видом, отправился в клуб.

Фильм привезли двухсерийный, индийский, и по этому случаю народу в клубе и на улице перед ним собралось немало. Наши люди любят всё иностранное, в том числе слезливые индийские фильмы. Наверное, привлекают яркие, непривычные картины чужой, совершенно иной жизни с зажигательными танцами и заунывным пением под аккомпанемент незнакомых музыкальных инструментов. Женской половине, конечно же, подавай неземные страсти, чтобы к концу фильма обязательно пустить горячую слезу.

Валерка ещё издали рассмотрел Линду в обществе украинских лесорубов. Она стояла рядом со своим сердечным другом. Это был степенный, высокий, крепкого сложения молодой мужчина с длинными чёрными усами, тянущимися по бокам бритого подбородка с заметной ямочкой посередине. Он с первого взгляда вызывал к себе уважение. Недаром именно он руководил бригадой, прибывшей в эти края для спешного спиливания подгоревших лесов, пока их окончательно не испортил жук-короед, откуда-то издалека.

Посмотреть индийский фильм пришли и супруги Кирпичёвы. Анатолий был заметно навеселе, все бордовее и злее становилось его лицо. Он только и искал повода, чтобы к кому-нибудь придрататься. Хорошо знавшая неистовую натуру своего супруга, жена Наталья то и дело старательно одёргивала его.

Небольшой зрительный зал был наполнен до отказа. Валеркино место в ряду оказалось позади Анатолия, а его – позади высокого, широкоплечего бригадира пришлых лесорубов. Погас свет, и на белом квадрате экрана замелькали первые кадры занимательного зрелища. Кирпичёв, давно искавший причину затеять ссору, наконец-то её нашёл и, нисколько не стесняясь многочисленных свидетелей:

– Эй, ты! Убери голову! Ничего из-за тебя не видно! – то и дело тыкал он в спину сидящего впереди мужчины.

Тот оглядывался, но терпел, не отвечая на явную грубость и старательно пытался опуститься пониже.

Зрительный зал в клубе не имел наклона, потому что одновременно служил и танцплощадкой. С этим неудобством все давно уже смирились. Однако пьяный сварщик никак не успокаивался. Наталья пыталась его урезонить, но, похоже, того окончательно понесло.

Валерка, конечно же, догадывался, что главной причиной раздражения Кирпичёва был всё-таки не сам лесоруб, а сидевшая рядом повариха Линда, которая в своё время дала ему отпор.

Анатолий в полный голос продолжал донимать соседа:

– Свои леса смахнули, теперь за наши взялись. Кино смотреть не даёте. Мотайте все отсюда в свои края! Кто вас звал!

Соседи стали громко шикать:

– Эй, вы там! Успокойтесь, наконец-то! Не на базаре – фильм идёт!

Линда придвинулась головой к своему кавалеру и шепнула:

– Пошли отсюда. Всё равно ведь не отстанет.

Длинноносый парень попытался возражать, но потом, видимо, согласился с ней, и они, стараясь не шуметь, поднялись со своих мест и двинулись к выходу.

Кирпичёв неожиданно тоже встал и последовал за ними.

Валерка чувствовал, что добром это не кончится, и зачем-то тоже покинул зрительный зал.

То, что произошло дальше, потом долго не укладывалось в его голове.

Взбешенный Анатолий подлетел к бригадиру и неожиданно резко, изо всей силы ударил того костистым кулаком по лицу. Удар был подлый, и усатый хохол его совсем не ожидал. Мужчина зажал ладонью скривившееся от острой боли лицо. Валерка видел, как между пальцев потекла алая липкая кровь.

– Сволочь! Урод! Ты что наделал! – закричала повариха и бросилась помогать своему приятелю.

– Я сказал – уделаю! Вот и уделал! А ты не верила! – пританцовывая на месте со сжатыми кулаками, злорадствовал Кирпичёв.

Из клуба запоздало выбежала его жена Наталья и запричитала:

– Ой, матушки! Толя! Что же ты наделал? Тебя же, дурака, опять посадят!

Надо сказать, что Анатолий Кирпичёв уже отбывал срок года три-четыре тому назад. Ему дали тогда год за хулиганку. Но, видимо, это не пошло ему на пользу.

Линда достала носовой платок и попыталась остановить кровь на лице своего друга. Они вдвоём медленно направились в сторону местной больницы – похоже, повреждение было серьёзным.

На следующий день Кирпичёв, как ни в чем не бывало, приехал вместе с другими рабочими на торфяное поле. В небольшом посёлке новости разлетаются мигом, и все уже были в курсе новых «подвигов» неугомонного сварщика. Кто-то посмеивался по этому поводу, а кто-то неодобрительно покачивал головой.

Сам же Анатолий был явно не в духе. Возможно, страдал от похмелья, возможно, чувствовал, что вчерашняя дикая выходка не пройдёт ему даром, а скорее всего – и то и другое.

Валерка заливал в радиатор трактора воду из ближайшего водоёма, когда заметил, как к гаражу лихо подкатил на своём новеньком «Урале» местный участковый Владимир Миронов. Его подтянутая, молодцеватая фигура излучала отличное здоровье и полную уверенность в своих силах.

Участковый числился сразу за тремя рабочими посёлками, ему частенько приходилось перебираться из одного населенного пункта в другой, из другого – в третий. Но это Владимира, похоже, нисколько не тяготило, потому что он всегда выглядел свежим и бодрым. Мундир сидел на нём как влитой, сапоги блестели, лицо с аккуратными чёрными усами гладко выбрито, а затылок под форменной фуражкой – ровно и коротко подстрижен.

– Здорово, земляки! – громко поприветствовал он рабочих, стоявших у гаража.

– Здорово, коль не шутишь! – кто-то ответил ему. Дашка Тихомирова подошла к капитану, шутливо отдала ему честь, подняв ладонь к виску, и озорно спросила:

– Ты, Володя, случайно не за мной приехал? А то я всегда готова к тебе под арест суток так на десять.

Рабочие засмеялись очередной Дашкиной шутке. Миронов тоже улыбнулся сначала, но потом произнёс уже вполне серьёзно:

– Да нет. Мне нужен Кирпичёв Анатолий. Где мне его найти?

– Да где ж ему ещё быть, как не в своём убежище? В слесарке сидит, наверное, – предположила Дашка. – Как уйдёт туда с утра, так и не показывается до обеда, если сварочных работ нет. А сам он на работу

никогда не напрашивается. Лежит-полёживает у себя на топчане. Хотела бы я так же поработать без пыли, без шума, в тенёчке, с журнальчиком в руке. Благодать! Только сегодня он что-то квелый.

Участковый в сопровождении особо любопытных направился к неказистому дощатому строению, где, действительно, на топчане возлежал Кирпичёв. Глаза у него закрыты, но веки подрагивают. Одной рукой прикрыл лоб, словно защищаясь от чего-то – голова наверняка болела.

– Вставай, Анатолий! Со мной поедешь.

– Это куда? По какому праву? – взвился было Кирпичёв, вскочив с топчана, но тут же сник, вдруг окончательно осознав, что дела его плохи.

– Бумага на тебя пришла о нанесении тяжких телесных повреждений гражданину Бондаренко А.О., – усмехнувшись в усы бодро, почти весело сообщил капитан. – Ты зачем мужику челюсть сломал в двух местах и, главное – за что? Ведь он, как говорят, тебя и не трогал вовсе. Ну, теперь, учитывая твою прошлую судимость, ты так легко не отделаешься – года три, не меньше. Собирайся, поехали! Оформлять тебя буду.

Валерка наблюдал издали, как враз поникший и ссутулившийся Кирпичёв усаживался в синюю коляску мотоцикла. Милиционер с первого же толчка завёл «Урал», вскочил в седло, и они умчались, сопровождаемые клубами лёгкой торфяной пыли.

Люди у гаража не расходились.

Дашка Тихомирова то ли с иронией, то ли всерьёз затараторила:

– Тут неземной любовью попахивает, страстью к женщине.

– Знаю, чем пахнет, – дерьмом! – откликнулся рассудительный дядя Петя Лагутин. – Жили себе люди, не тужили, никого не трогали. Квартировали мирно. Никто об них плохого слова ни разу не сказал. Занимались своим делом, труженики они. Нет! Влез в чужую жизнь, как в чужой дом, натоптал и нагадил. Вот как я понимаю! А ты говоришь страсть – некуда класть...

В это время из своей конторки выбралось грузное тело начальника поля Василия Степановича Киселёва.

– Это что тут за сборище такое? Новгородское вече, тоже мне! Вам что, делать больше нечего?! А ну-ка марш все на работу!

Грозного начальника не только уважали, но и слегка побаивались. Не часто, но бывало – возьмет в руки палку и шарахнет по спине какого-нибудь задремавшего в рабочее время бездельника. Но никто не жаловался. Киселёв – начальник строгий, но справедливый, и дисциплина у него железная. Киселёв подозвал к себе мастера Андрея Ивановича Кириллова и хмуро поинтересовался:

– Повара сегодня у нас нет? Как людей кормить будем?

– Помощница одна управится на этот раз. А так – надо узнавать: будет, не будет дальше работать повариха, – с готовностью доложил мастер. – Кстати, теперь мы ещё остались и без сварщика – тоже нужна замена.

Линда так больше и не появилась на полевом стане. На её место прислали новую повариху, хорошо известную всем Полину, женщину неопределённых лет, по слухам, страдавшую запоями, но между ними – хорошую кухарку.

В один из августовских дней на маленькой железнодорожной станции появилась неожиданный для Валерки его одноклассница Варя Галкина. Увидев её, он сильно удивился:

– Привет, Галкина! А ты как тут оказалась? Ты же вроде в институт поступала?

Варя как-то сразу стушевалась и неохотно призналась:

– Поступала, да не поступила – не хватило баллов. Вот устроилась к вам учётчицей торфа, но на следующий год буду снова поступать. Я упрямая, от своего не отступлюсь.

– Опять – в педагогический?

– Да. Обязательно – туда.

Перед Валеркой возник образ их классной руководительницы Марии Ивановны. Она преподавала русский язык и литературу. Эта невысокая, сухонькая женщина с добрым и почему-то всегда усталым лицом отличалась между тем твёрдым характером. Она не притворно, а по-настоящему искренне переживала за своих воспитанников. Старшеклассники ценили её, хотя иногда между собой по-доброму посмеивались: для учителя изящной словесности Мария Ивановна была несколько косноязычной. Например, она любила цитировать М. Горького: «свинцовые мерзости». Однажды Валерка для интереса подсчитал количество этих повторений за один урок. Получилось не менее двадцати раз.

Зато она была хорошим организатором. Под руководством Марии Ивановны ребята посещали музеи и театры в областном городе, ездили по «Золотому кольцу» и ставили спектакли в местном клубе. А какой выпускной вечер она им организовала! Директор и завуч, которые её недооценивали, вынуждены были признать – это лучший выпускной вечер за всю историю школы. И никто не знал, что у этой женщины с твёрдым характером большое сердце. Почти сразу же после того памятного вечера у Марии Ивановны случился инфаркт, и ей пришлось покинуть любимую работу.

С середины сентября зарядили дожди, сезон добычи торфа закончился. Валерка цеплял к трактору длинные деревянные сани. На них рабочие накидывали жерди, доски и полиэтиленовые трубы и сами потом усаживались сверху. Уезжали в поле ремонтировать полуразрушенные мосты через канавы. Старайся, не старайся в такие дни – всё равно один «голый» тариф в зарплату идёт. Бывало и так, что, забравшись подалее от начальственных глаз, рабочие устраивались на сухом месте и подолгу играли в карты.

Валерка и Варя, как бывшие одноклассники, держались вместе и как-то незаметно сблизились друг с другом.

В октябре Валерке пришла повестка из военкомата. Его, как и троих других, поселковых ребят призывали на срочную службу в армию. Прощайте, родные края, на целых два года!